

Рецензии, обзоры, информация

**КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ ГЛАЗАМИ
СОВРЕМЕННОКОВ**

[Константин Бальмонт глазами современников. Воспоминания. Письма. Дневники. Поэтические посвящения. Подражания, эпиграммы, пародии. Шаржи / Вступ. ст. Л. Н. Таганова; сост., подгот. текстов, прим. и коммент. А. Ю. Романова. Санкт-Петербург: Росток, 2013 (Неизвестный XX век). 976 с.]

Может показаться странным, что первый сборник воспоминаний, откликов в письмах и дневниках современников об одном из зачинателей новой русской символистской поэзии вышел так поздно, – справедливо пишет в предисловии «Многоликий Бальмонт. Образ поэта в зеркале мемуаристики» профессор Лев Таганов, заведующий кафедрой теории литературы и русской литературы XX века Ивановского государственного университета. Однако нет ничего удивительного в том, что объемный том, вышедший в Санкт-Петербурге, подготовлен в Иваново, где регулярно проходят Бальмонттовские чтения и конференции, Бальмонттовские поэтические фестивали, готовятся и выходят посвященные Бальмонту сборники, монографии, библиографические указатели. И составлен он ивановским бальмонтведом Александром Романовым.

Самый большой раздел книги – чуть менее половины ее общего объема –

содержит отрывки из воспоминаний, статьи и рецензии (или их фрагменты), выдержки из книг девяти десятков авторов разной степени известности и близости к Бальмонту, различного масштаба литературного дарования. Свод разнородных текстов, расположенных в хронологическом порядке (с оправданными отступлениями), охватывает практически всю жизнь поэта – от попытки самоубийства в 1890 г., когда из окна гостиницы выбросился «юноша, рано надломленный жизнью, а встал с мостовой первый поэт наступавших времен» (Максимилиан Волошин), до немногочисленных похорон под дождем, до гроба, опущенного в наполненную водой могилу в 1942 г. Мемуары воссоздают жизнь поэта в России и за рубежом, в сценах публичной литературной, не вполне публичной и вполне частной жизни. Например, о чествовании поэта в Обществе свободной эстетики в 1913 г., когда Бальмонт находился, казалось бы,

в зените славы, и от имени его врагов его приветствовал Владимир Маяковский, вспоминают Вадим Шершеневич, Василий Катанян, Корнелий Зелинский, Рюрик Ивнев, Павел Антокольский; Вера Звягинцева рисует колоритные сцены репетиции *Севильского обольстителя* Тирсо де Молины в переводе Бальмонта в присутствии переводчика, капризничаящего и тающего «в солнце и в женщинах» (по-видимому, 1918 г.); в воспоминаниях Бориса Зайцева Бальмонт читает стихи Волошину и двум молодым дамам, сидя под пальмами Таити или Полинезии, которыми стал в московской квартире старый обеденный стол. Последнее, по меньшей мере, не столь рискованно, как карабкаться на вершину сосны, чтобы читать стихи ветрам (Андрей Белый), декламировать на исходе ночи революционные строки киевскому городовому (Александр Дейч) или шумными восклицаниями провоцировать лондонских и парижских полицейских на применение мер физического воздействия (Иван Бунин).

Мемуарные тексты так или иначе выражают специфические перспективы авторов. Позиции одноклассника будущего поэта во владимирской гимназии Дмитрия Кардовского, ставшего художником, далекого от литературы Евсея Львова, вспоминавшего о приезде Бальмонта в Шую в 1917 г., и племянницы поэта Антонины Бальмонт-Корзеневой резко отличаются от позиций участников литературного процесса, которые в свою очередь несложно разделить на несколько категорий. Одну из них образуют мемуары литературных современников, тех, кто был соперником и союзником Бальмонта. Иного типа воспоминания принадлежат тем, кто вступил в

литературу позднее, будь то начинающий прозаик Константин Паустовский, попавший на лекцию Бальмонта «Поэзия как волшебство» в Киеве в 1914 г, молодой поэт Дмитрий Семеновский, говоривший с поэтом о стихах в ивановской гостинице в 1917 г. или Довид Кнут, который познакомился с тем, кто представлялся ему «прямо-таки венчанным Богом», в парижской «Ротонде» в 1922 г.

В этот же раздел включены отзывы о книгах Бальмонта и фрагменты из *Некрополя* Владислава Ходасевича, а также отрывки из статей Осипа Мандельштама, толкующие не столько о Бальмонте, сколько о его поэзии, ее месте в литературе. Мемуарный раздел дополняет набор отрывков из писем и дневников современников (1891–1940), расположенных пофамильно в алфавитном порядке – от Марка Алданова и Александра Амфитеатрова до Корнея Чуковского и Эллиса (с. 457–582). Особый раздел «Автопортреты» составили стихи самого Бальмонта, посвященные Бальмонту. Они были опубликованы в 1927 г. в *Последних новостях* с подписью Д. Бален (атрибутировано Лазарем Флейшманом в 2009 г.) и в *Сегодня* с подписью Мстислав. Четвертый раздел «Поэты – Константину Бальмонту» состоит из двух подразделов. В первый вошли стихотворные посвящения, которых набралось свыше семидесяти, расположенные по фамилиям тридцати шести авторов в алфавитном порядке. Второй подраздел озаглавлен «Подражания, эпиграммы и пародии». Для него избрано хронологическое распределение материала, мотивированное тем, что многие тексты печатались без подписи или под псевдонимами. Такой

способ организации литературных фактов дает отчетливое представление о том, какие черты личности, поведения и поэзии Бальмонта вызывали отрицание и насмешку, а позднее – какие специфические ритмические ходы и едва ли не «крылатые» строки ложились в основу сатирических перепевов, дискредитирующих не бальмонтовский стиль, но внелитературные общественно-политические явления. Знаменитое «Хочу» («Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...») оказалось для перепевов особенно удачным, сослужив службу, иным неоднократно, Лоло (Леонид Мунштейн), Сергею Горному (Александр-Марк Оцуп), Николаю Степанову (в примечаниях упомянуты его стихи «Хочу быть скорым, на все способным...»), Евг. Венскому (Пяткин), Александру Ширяевцу (Абрамов), Фрицхену (Федор Благов), Черному коту («Хочу быть персом, хочу быть шахом...») из того же *Будильника*, в котором подвизался Фрицхен, и другим.

Самые ранние из стихотворных посвящений – стихи Ивана Бунина (1895), Валерия Брюсова (1897), Модеста Дурнова (1899), самые поздние – удивительная поэма Леонида Мартынова *Поэзия как волшебство* (1939) и написанное после смерти поэта стихотворение Галактиона Табидзе «Бальмонту». Среди авторов стихотворных дедикаций – грузинские поэты Александр Абашели (Чочия Исаки), Валериан Гаприндашвили, упомянутый Галактион Табидзе, Тициан Табидзе, серб Иван Шайкович, литовец Людас Гира с его циклом из десяти сонетов, Бальмонтом же и переведенным, и француз Филеас Лебег, стихи которого в своем переводе Бальмонт, не смущаясь, включал в

свои статьи. Помимо знаменитых русских поэтов в этом разделе встречаются малоизвестный Ефим Вихрев, чье стихотворение «К. Д. Бальмонту» было напечатано в *Шуйских известиях* в 1917 г., забытый участник выступлений имажинистов Антоний Случановский, Тиана Дабаш, стихотворение которой «Бальмонту» отыскалось в сборнике *Туманы* (Минск, 1909), но сведений о ней обнаружить не удалось. Книгу могло бы обогатить стихотворение Евгения Шкляра «К. Д. Бальмонту» («Какой невероятный океан...»), напечатанное сначала в ковенской газете *Наше эхо* (1929, № 178, 9 сентября) с заголовком «Другу Литвы, Константину Бальмонту» в качестве стихотворного посвящения к отрывку из поэмы «Летува золотое имя», а затем включенное в последнюю книгу стихов Шкляра *Poeta in aeternum* (Рига, 1935) – в раздел «Искатели прекрасного», посвященный «Моим друзьям – поэтам Литвы». А в подраздел пародий и эпиграмм можно было бы включить сатирическое стихотворение Дон Аминадо (Шполянский) «Бальмонт для домашнего обихода (Мелкобуржуазная пародия)», напечатанное в ковенской газете *Эхо* (1923, № 299, 5 ноября). Надо думать, что подобные дополнения еще обнаружатся в провинциальной дореволюционной печати и на окраинах русского зарубежья.

Книга снабжена приличествующим подобного рода изданиям справочным аппаратом: 190 страниц примечаний и комментариев, с необходимыми библиографическими справками о публикуемых текстах, указатель имен, насчитывающий около полутора тысяч позиций, полезный указатель издательств и периодических изданий, список ил-

люстраций. В некоторых примечаниях сведения об авторах перерастают в краткие этюды об отношении к Бальмонту, например, Ходасевича (с. 750–751), Философова (с. 760), Адамовича (с. 778–779) с привлечением других, не вошедших в основной текст книги статей и писем. Но никак не представлены ни автор мемуарного очерка Владимир Розинский, ни поэтесса Анна Алма-тинская (Држевицкая). Об адресатах писем Владимира Короленко (и многих других) сведения даются, о получателях писем Максима Горького – нет. Такая же непоследовательность заметна в комментировании: поясняется, что такое ‘труверы’ (с. 753), ‘шато’ (с. 767), ‘файф-о-клок’ (с. 771), но без пояснений оставлены ‘Ларусс’ (с. 69); упоминаемые Мазини, Метерлинк, Пшибышевский удостоены справок, а французский писатель и журналист Абел Эрман (с. 69; в указателе имен неверно передана его фамилия в оригинальном написании ‘Erman’, должно быть Hermant), Малларме, Жилькен и Корбьер (с. 112) – нет. Внимательному читателю нетрудно сообразить, что приветы Елизавете Морицевне в приводимом Ксенией Куприной письме Бальмонта (с. 376) адресованы ее матери, второй жене автора «Гранатового браслета», упомянутой в комментариях (с. 828). Но то, что дядя Сережа в воспоминаниях Крандиевской-Толстой (с. 305) – это тот же самый Сергей Аполлонович Скимунт, упомянутый в одном из писем Чехова (с. 576), выдающийся меценат рубежа веков, в доме которого жила семья мемуаристки (главу семейства Василия Крандиевского и Скимунта связывало и общее предприятие на паях – книжный магазин и издательство «Труд»), – это не всякому читателю должно быть заведомо известно.

Большое значение и ценность книги определяется тем, что это первое собрание мемуарных свидетельств о крупнейшем поэте Серебряного века. Дополнительное достоинство этому собранию придает то, что значительная часть текстов или вариантов текстов републикована впервые, часто – из малодоступных периодических изданий, таких как белградский журнал *Ярь* за 1943 г., откуда извлечен «литературный фоторепортаж» Брониславы Погореловой, или берлинская газета *Новое слово* того же года, где обнаружился мемуарный очерк за подписью И. А. Составитель убедительно идентифицировал автора: Илларию Амфитеатрова (с. 790).

Многогранный и переменчивый образ Бальмонта, созданный мозаикой разножанровых словесных текстов (а также тщательно подобранными составителем эпиграфами к каждому разделу), дополняется рассеянными по книге шаржами, рисунком Волошина, силуэтом Кругликовой. Под своеобразной хроникой жизни и творческой деятельности главного героя книги разворачивается широкая канва ушедших литературных эпох – не только Серебряного века, но и его продолжения в зарубежье, и советского периода. К последнему относятся, например, воспоминания Галины Медземаришвили, повествующие, собственно, не столько о Бальмонте, сколько о его дочери Нине Бруни-Бальмонт и об отношении к Бальмонту в Грузии. В советскую эпоху трудное возвращение Бальмонта к читателю на родине было ознаменовано томом в «Библиотеке поэта» (1969), но оказалось под угрозой из-за мемуарного очерка Льва Успенского в *Литературной газете* (1970). В письме автору

Записок старого петербуржца, отрывок из которого опубликован в рецензируемой книге впервые, Лев Озеров расценил выступление Успенского как удар по лежачему «в тот момент, когда он получил малую возможность привстать, выпростать хотя бы руку из-под хлама наговоренной на него чепухи» (с. 826).

В незаурядной личности героя тома переходящие в позерство артистичность, поэтические причуды, о которых с сочувствием писали Михаил Кузмин и Марина Цветаева, и скандальные выходы, удивительным образом сочетались с необычайной работоспособностью, с отмеченной Михаилом Сабашниковым аккуратностью в работе, с поразившей Александра Биска «идеальной аккуратностью» на письменном столе и таким же аккуратным почерком. Впервые собранные в книгу мемуарные тексты разнятся тональностью: с восхищением, сочувствием и благодарностью в известных очерках и статьях Марины Цветаевой, с уважением и участием в отрывке из «Парижских воспоминаний» Антонина Ладинского контрастируют фрагменты из *Великолепного очевидца* Вадима Шершеневича, автобиографические заметки Ивана Бунина или Владимира Крымова, не отличающиеся особой благожелательностью. Проступающие сквозь тексты отношения усложняются присущей мемуарам удвоенной точкой зрения – из вспоминаемого прошлого и вносящего свои коррекции будущего.

Зоркому читателю оценки мемуаристов многое скажут не только о Бальмонте, но и о самих мемуаристах. Знал

ли Бальмонт восемь языков, на которых читал, а на некоторых из них свободно говорил, как утверждал Николай Кнорринг? Владел ли он двенадцатью языками в версии Лидии Рындиной или восемнадцатью, как с его слов писал Владимир Крымов? Или знал «около тридцати языков. Легко изучил он десятки говоров и наречий», по словам Эренбурга (с. 35)? Бунин полиглотство Бальмонта считал враньем, утверждая, что тот не был в состоянии поддержать разговор по-английски и плохо говорил по-французски (с. 196). Здравомыслящая Тэффи вспоминала, как Бальмонт в разговоре с профессором Евгением Ляцким подтвердил, что он свободно говорит на всех языках, вот только не успел изучить «язык зулю» (то есть зулусов). Ляцкий ответил, что тоже плохо знает «язык зулю», но другие языки для него не представляют трудности. Писательница поставила полиглотов в тупик, спросив, как по-фински «четыренадцать» (с. 232).

В разноголосице свидетельств даже внешний облик Бальмонта расплывчат: глаза, например, Эренбургу виделись зелеными, Белому – каре-красными («золотоглазый», «златоглазый»), Паустовскому – серыми, а болгарскому поэту, прозаику и драматургу Емануилу Попдимитрову – голубыми. Этих лежащих на поверхности примеров достаточно, чтобы еще раз убедиться в том, насколько сложен, переменчив и не поддатлив однозначным характеристикам образ Бальмонта, погруженный в хитросплетения непростых отношений с современниками.

Павел Лавринцев

Получено: 18 ноября 2014 г.

Принято: 22 ноября 2014 г.